

ДИСКУССИОННЫЕ УЗЛЫ ПРОБЛЕМ

М.Т. Степанянц

Многовекторные ориентиры цивилизационного развития России

Marietta T. Stepanyants

Multi-vector orientations of Russia's civilizational development

Проблема выбора пути цивилизационного развития рассматривается в широком историческом контексте. Географическое положение России не позволяло ей быть удаленной от всего мира: уникальная протяженность территории делала ее «открытой» с запада на восток и с юга на север. Следствием того была и остается, с одной стороны, подверженность вторжениям во всех смыслах слов, а с другой – преимущество доступа и усвоения культурных, научных, технических достижений соседних цивилизаций. Векторы данного процесса постоянно менялись главным образом в силу политических ситуаций.

Россия многократно оказывалась на перепутье, она и сегодня не определилась до конца с выбором между вектором развития, избранным Западом, и тем, что предпочли народы Востока. Привлекательность западной цивилизации в принципе ясна. На Западе создано наиболее комфортное общество, обеспечивающее своим гражданам высокий уровень жизни и существенную социальную поддержку. Он находится в авангарде научного прогресса, оснащен новейшей техникой и использует самые передовые технологии. На Западе широко функционируют демократические институты, различные формы гражданского общества.

А чем может быть полезен для России опыт цивилизационного развития азиатских государств, представляющих восточные цивилизации? Именно на этот вопрос предпринимается попытка ответить в данной статье.

Ключевые слова: цивилизация, традиция, модернизация, самобытность, реформаторство, культура, духовные ценности, научно-технический прогресс, Россия, Запад, Восток.

The problem of choosing the path of civilizational development is considered in a broad historical context. The geographical position of Russia has not allowed it to stay absolutely separate from the whole world: the unique wideness of the territory makes it “open” from the West to the East and from the South to the North.

The consequence of this had been and remain both Russia's vulnerability to invasion (in all senses of the word) and the advantage of accessing to as well as profiting from cultural, scientific, technologic achievements of the neighboring civilizations. The vectors of this process constantly changed mainly due to political situations.

Russia has repeatedly found itself at a crossroads, and even today it has not fully decided to choose the vector of development followed by the West or that one which the peoples of the East prefer? The attractiveness of Western civilization is in principle clear. The West has created the most comfortable society that provides its citizens with a high standard of living and significant social support. It is at the forefront of scientific progress, equipped with the latest technology. In the West, democratic institutions and various forms of civil society are widely functioning.

And in what the experience of civilizational development of Asian states representing Eastern civilizations could be useful for Russia? This is the question that this article attempts to answer.

Keywords: civilization, tradition, modernization, identity, reformation, culture, values, science, technology, progress, Russia, West, East.

Межцивилизационное взаимодействие – явление, наблюдаемое на протяжении всей истории существования цивилизационных образований. Первичным по времени было взаимодействие пограничных цивилизаций. Общность границ, естественно, породила налаживание и развитие торговых связей, товарного обмена, культурного взаимовлияния. Наряду с мирными формами взаимодействия время от времени вспыхивало «взаимодействие» военного характера, обусловленное борьбой соседствующих субъектов за плодородные земли, водные и другие природные ресурсы, наконец, откровенно экспансионистскими намерениями, часто связанными с личностями чрезмерно амбициозных правителей.

Развитие наземных, речных, морских и воздушных путей сообщения неизмеримо расширило пределы взаимодействия. Подлинно планетарные масштабы оно стало приобретать начиная с XX в., прежде всего благодаря революционным переменам в области коммуникации, информационной связи, бурному развитию транснационального капитала и т.д. Без преувеличения можно сказать, что транснациональный капитал стал претендовать на тоталитарную власть по всей планете.

В современном мире взаимодействие между цивилизациями обрело два основных вектора целенаправленности: либо утверждение господствующей роли одной из сторон взаимодействия, либо сопротивление подчинению, отстаивание суверенитета. Наиболее очевидным примером первого из упомянутых векторов является позиция государств западной цивилизации, более всего США и его европейских союзников. Пример второго демонстрирует, по существу, большинство стран Азии, мусульманского мира, Африки и Латинской Америки, часто прибегающих к объединению своих сил с другими региональными государствами, и представляющих тем самым одновременно внутрицивилизационное и межцивилизационное взаимодействие для

достижения общих целей. Таким образом, в первом случае речь идет о навязанном, вынужденном взаимодействии, в то время как во втором – о добровольном выборе, направленном на позитивную результативность, защиту интересов представителей собственной цивилизации.

Современная Россия придерживается второго вектора в том смысле, что она, в отличие от некоторых периодов своего исторического прошлого, включая советское время, считает взаимодействие подлинным только при условии, если оно строится на основе равноправия, обоюдного уважения и взаимной заинтересованности. Это не означает, однако, что Россия отдает предпочтение взаимодействию с какой-то определенной цивилизацией. Подобная позиция не всегда разделялась ею в прошлом, что вполне объяснимо, учитывая особенности ее географического положения и исторического пути развития. Кроме всего прочего, нельзя забывать, что до сих пор нет единого мнения о самом понятии «цивилизация», о ее тождественности культуре или отличии от нее, об обоснованности признания России евразийской или вообще самостоятельной цивилизацией. Все это остается предметом научных дискуссий и политической полемики.

Свидетельством сохраняющейся неопределенности могут служить постоянные ссылки на известное четверостишие Федора Тютчева:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

Но что означает рациональная непостижимость? Не следует ли из слов Тютчева, что Россия содержит в себе «тайнства», или, используя философскую терминологию, некие метафизические основания, непостижимые разумом? Многие склонны положительно отвечать на этот вопрос. Мне же представляется такой ответ ошибочным. «Тайнства» России и менталитета россиян рационально постижимы. Есть, по крайней мере, два пути к успеху такого познания: один – глубокое и непредвзятое изучение истории России; второй – осмысленное чтение русской литературы, отражающей своеобразие русского характера. Особенности русского национального характера пытались понять многие. О «Душе России» писал Н. Бердяев. Он полагал, что подойти к загадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. Тогда русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций, от характерного космополитического отрицания и иноземного рабства. Обратной стороной необычайного русского смирения, по мнению Н. Бердяева, является «чрезмерное самомнение», выражающееся, в частности, в том, что Россия отвергает всю Европу, как гниль и исчадие дьявола, обреченное на гибель [1, 6].

Антиномии в каждой культуре проявляются в специфических формах. Для России наиболее характерна антиномия, вызванная отсутствием окончательного решения относительно своего места в мире: на протяжении многовековой истории существования Россия так и не решила, принадлежит ли она Западу или Востоку.

На определенных этапах российской истории казалось, что окончательное решение принято – Россия принадлежит западной цивилизации. Тем не менее каждый раз не удавалось довести вестернизацию до конца. Два примера особенно значимы. При правлении князя Владимира (980–1015) христианство было принято в качестве государственной религии, т.е. был сделан решительный выбор в пользу принадлежности к западной цивилизации. Однако эта возможность не была полностью использована в силу ряда причин как внешнего, так и внутреннего порядка. Монгольское вторжение, завершившееся установлением почти на три столетия правления Золотой Орды, полностью изолировало Россию от Запада.

Второй не менее важный пример – «открытие окна в Европу», осуществленное Петром I. Несмотря на успехи реформирования социальной, экономической и политической систем, проведенного Петром I, Екатериной Великой и Александром II, вестернизация России не была завершена. Последовавшие далее события, более всего Октябрьская революция 1917 г., блокировали начатый ранее процесс: власть сделала выбор в пользу социалистической модели развития, что было враждебно воспринято Западом и привело к изоляции СССР.

Таким образом, на протяжении столетий, говоря словами Петра Чаадаева, по существу, «мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку», оставаясь «как бы вне времени». В чем причины, столь затянувшейся фактически до наших дней неопределенности в выборе? К числу объективных факторов относятся географическое положение России, необъятная обширность занимаемой ею территории как в Европе, так и в Азии. небывалая протяженность границ, открытость для внешних вторжений практически со всех сторон. Важную роль играл произвольно-субъективный выбор власти (княжеской, царской, императорской, диктаторской), три века монгольского ига и три века крепостного права, при которых выражение общественного мнения было более чем ограниченным.

Существенно важно иметь в виду особенности российского национального характера. Именно этот аспект проблемы наименее прояснен. На то есть, конечно, свои причины. Как определить характер нации предельно адекватно? Удавалось ли это кому-то сделать? Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в русской литературе, которая была и остается «зеркалом» русской жизни и ментальности. Но далеко не всякое отражение в зеркале или на фотографии, на киноленте и т.п. дает возможность проникнуть в глубину,

в душу и мысли отражаемого образа. Так и не всякому описывающему русскую жизнь и русского человека это под силу. Есть смысл, однако, сослаться на одно из немногих исключений – на Николая Семеновича Лескова. Именно его Лев Толстой назвал «самым русским из всех русских писателей».

Потребовалось почти сто лет со дня смерти Н. Лескова, чтобы он, наконец, занял достойное место в русской культуре. В наши дни его стали признавать «национальным гением», которому удалось создать характеры, выражающие основные черты российского национального самосознания.

Во всех сторонах национальной жизни писатель стремился усмотреть сердцевину этого целого и чаще всего находил ее в необычном странном человеке – в чудаке, поведение которого непонятно окружающим. Здесь Лесков созвучен с Достоевским, говорящим в «Братьях Карамазовых», что чудаки «не всегда частность и обособление, а, напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи – все каким-либо наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались».

Повесть «Очарованный странник» – самое знаковое произведение Лескова. Его называют «визитной карточкой русскости». Странник – воплощение богатырства, широты, мощи, вольности и таящейся в глубине души праведности, герой эпоса в лучшем и высоком смысле слова. Критик Николай Михайловский писал в 1897 г., что «в смысле богатства фабулы это, может быть, самое замечательное из произведений Лескова, но в нем же особенно бросается в глаза отсутствие какого бы то ни было центра, так что и фабулы в нем, собственно говоря, нет, а есть целый ряд фабул, нанизанных, как бусы на нитку, и каждая бусинка сама по себе и может быть очень удобно вынута, заменена другою, а можно и еще сколько угодно бусин нанизать на ту же нитку». Одни критики оценивают содержание повести как «мистерию распада и бесцельности». Другие, напротив, усматривают в ней «легенду всеединства». Современная исследовательница Б. Дыханова полагает, что повесть демонстрирует «разнообразие возможных вариантов судьбы», что это богатство и делает ее подлинным шедевром.

Иван Северьянович Флягин, по определению Н. Лескова, «простодушный, добрый русский богатырь». Но тремя строками ниже писатель добавляет, что раз богатырь, то ездить бы ему в лаптицах по лесу и лениво нюхать, как смолой и земляникой пахнет темный бор». Подобная саркастическая интонация не раз звучит в повести. В финале старик хочет отправиться на войну. Игумен не может разобраться, что он такое: «так просто добряк или помешался». В заключение он решает: «А как же-с? Непременно-с: мне за народ очень помереть хочется». Патриотическая тирада намеренно наполнена писателем сарказмом.

Элементы богатырства, народного эпоса и «черноземной силы» введены Лесковым в знаковое качество: в сопоставлении русских и других (ино-

странцев). Тот же прием использован им и в других произведениях. В «Запечатленном ангеле» перед русским «разбойником» стоит остолбеневший англичанин. В «Железной воле» – недоумевающий немец. В «Очарованном страннике» витязь соревнуется с английским профессионалом в деле усмирения коня. Господину Рарею ничто не помогает: ни специальные знания, ни специальные доспехи – он сброшен и посрамлен. А русский герой усмиряет бешеное животное тем, что «рассвирепел», «зубами заскрипел» и лупил коня до тех пор, пока тот не покорился, «только скоро издох». Другой англичанин другим русским умельцем будет посрамлен в части ремонта заводной танцующей блохи. Однако блоха в результате ремонта разучится танцевать (рассказ «Левша», опубликованный в 1881 г. под названием «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе»).

Первоначально «Левша» подвергся жесткой критике: одни обвинили Лескова в национализме, другие сочли чрезмерно мрачным изображение жизни русского народа. Впоследствии критики отмечали, что многослойность повествования демонстрирует присутствие двух точек зрения: открытой (принадлежащей простодушному персонажу) и скрытой, нередко противоположной. Кому принадлежит упомянутая скрытость или коварство? Некоторые полагают, что самому Н. Лескову. Мне представляется более адекватным мнение, что таков взгляд на русского человека иностранца, для которого «русскость» непонятна.

Сам Лесков иногда снимает завесу с вызывающей разные толки двойственности. Яркое свидетельство тому – концовка рассказа «Левша»:

Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворенный народною фантазией миф он интересен, а его похождения могут служить воспоминанием эпохи, обций дух которой схвачен метко и верно.

Таких мастеров, как баснословный левша, теперь, разумеется, нет <...> машины сравнивали неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя повышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали...

Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью. Это их эпос, и притом с очень «человечкиной душой».

Лесков широко использует элементы народного эпоса (вроде «богатырства») и народной мифологии для того, чтобы напомнить читателю о различиях между русским человеком и иностранцем (всегда с Запада). Какую цель он преследует подобным приемом? Он вовсе не желает «оторвать» Россию от Запада, изолировать ее от западной цивилизации, представить европейца врагом русских. Герои Лескова постоянно признают, что уровень

жизни на Западе гораздо выше, чем в России, и что это достигнуто благодаря лучшему общественному и политическому строю; что там существует «трудовая этика», принципиально отличная от той, что привычна для россиян. Тем не менее повествование Лескова никогда не ведет читателя к конечному выбору в пользу западного образа жизни.

Герои его произведений, представляющие не элиту, а народ, демонстрируют черты превосходства морального или профессионального мастерства, чаще всего приобретенного самоучками. Писатель хочет тем самым сказать согражданам, что они обладают собственными дарованиями и ценностями, которые им следует сохранять, а не заменять слепым заимствованием. Справедливость такого заключения подтверждается недвусмысленными откровенными высказываниями Н. Лескова. Приведем только два примера. Первый – небольшое произведение под названием «Чужеземные обычаи только с разумением применять можно» из сборника «Заметки неизвестного», в котором говорится буквально следующее: «Для русских никакие иностранные правила не пригодны». Второй пример – рассказ «Железная воля». В нем идет спор между соотечественниками, придерживающимися противоположных взглядов. Одни утверждают, «что у немцев железная воля, а у нас ее нет – и что потому нам, слабовольным людям, с немцами опасно спорить – и едва ли справиться». Другие возражают: «Не слишком ли вы много уже придаете значения воле и расчетам? <...> Ну-ну, железные они, так и железные, а мы тесто простое, мягкое, сырое, непропеченное тесто, ну, а вы бы вспомнили, что и тесто в масе топором не разрубешь, а, пожалуй, еще и топор там потеряешь».

В споре звучит тирада, явно выражающая авторскую трезвую, взвешенную позицию:

«Извините меня, вы все стали такая не свободная направленная уость, что с вами живому человеку даже очень трудно говорить. <...> Пора бы вам начать отвыкать от этой гадости, а учиться брать дело просто. Я не хвалю моих земляков и не порицаю их, а только говорю вам, что они себя отстоят, и умом ли, глупостью ли, в обиду не дадутся».

Могут ли быть полезными для современной России размышления просвещенных и мудрых предшественников, лучше других понимавших своих соотечественников? Безусловно. Россияне вновь стоят перед выбором, настоятельная необходимость которого обусловлена существованием в эпоху глобализации, во времена обостренной неопределенности. Очертания, даже самые общие, будущего глобального мироустройства пока неясны: «...глобализация не представляет собой ни единственного обещания, ни единственной великой угрозы» [6, с. 24]. Возможны разные сценарии хода событий.

Немалая часть россиян желает возврата Отечества к статусу сверхдержавы, которым Советский Союз, наряду с США, обладал в XX в. Другие убеждены, что глобализация таит в себе реальные угрозы «российской ци-

визации», и делают выбор в пользу «изоляции» во имя сохранения национальной самобытности. Наконец, третьи рассчитывают на то, что Россия станет одним из полюсов многополярного мира.

Какой из перечисленных выше сценариев реален и желателен? Начнем с первого. Прежде всего, следует признать, что сверхдержавность обычно возникает в силу определенно сложившихся обстоятельств. В разряд сверхдержав в прошлом можно зачислять Древний Египет, империю Александра Македонского и в особенности Римскую империю. История свидетельствует о том, что обладание сверхдержавностью не может быть традиционным, оно сугубо ситуативное.

Советский Союз и США получили реальный статус сверхдержав в годы холодной войны в силу разделения мира на два лагеря и своей доминирующей военной мощи. СССР был сверхдержавой с 1945 по 1990 г. Сорок пять лет из российской истории – срок столь малый, что было бы оправдано признать: «...никакой многовековой традиции сверхдержавности нет. Есть привычка, и есть память двух поколений, передавших ее своим детям, внукам, а ныне и правнукам» [8, с. 29].

Маловероятен и второй сценарий, предполагающий утрату Россией своей идентичности. От него оберегают нас необъятность территории, практически неисчерпаемые природные ресурсы, высокая образованность населения, поистине богатейшее культурное наследие. Прав Тимур Кибиров, говорящий с нами на языке русской поэзии: «ни “звон победы раздавайся!”, ни “прощай, немытая Россия” не описывают сложности российской жизни. Вместо этого “надоевшего пуще горькой редьки бубнежа” следовало бы <...> перестать призывать “только верить” или “пальнуть пулей в святую Русь” [3, с. 70–71].

Наиболее реалистичен, а главное желателен, третий сценарий – стать страной благополучия для собственных граждан, государством, с которым бы считались другие в определении курса мировой политики. Но эта задача не из числа легкодостижимых. Сошлемся на прогноз Института мировой экономики и международных отношений РАН «Стратегический глобальный прогноз 2030» [9, с. 170]. В нем утверждается, что главным изменением к 2030 г. будет иное, чем привычное сегодня, «традиционное деление стран на развитые и развивающиеся [9, с. 169].

В прогнозе мало говорится о России. Однако отмечается, что в мировой иерархии государств Россия постепенно опускается со второго уровня, где располагаются ЕС и Китай, на третий, где сосредоточено большинство региональных игроков – Индия, Бразилия, Япония, Турция, ЮАР и другие. «Соединенные Штаты сохраняют роль глобального лидера в области инноваций, финансов и военной силы. А наибольшее влияние на изменение соотношения “сил и возможностей” в мире окажет усиление позиций Китая» [9, с. 159].

Комментируя прогноз, директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин не так давно отмечал: в ближайшее время важнейшими показателями будут научно-технический потенциал стран, открытость и жизнеспособность их культур, динамизм и привлекательность их образа жизни. Подниматься будут страны, «предстающие перед другими, менее успешными, в качестве модели или источника вдохновения». Д. Тренин считает, что если «приложить картину воображаемого будущего, нарисованную специалистами ИМЭМО, к нынешней России, то становится тревожно. Российская модернизация пока остается в основном модернизацией политического языка и стиля» [10].

Чтобы избежать маргинального положения, России, прежде всего, необходимо радикально изменить состояние своей экономики, поднять уровень жизни граждан, обрести компетентность на мировом рынке. Такое возможно лишь при высоком уровне модернизации. Вопрос, однако, встает: какую модель модернизации следует выбрать? Этот вопрос, как и в XIX в., разделит общество на западников и народников. Одни, подобно П. Чаадаеву, убеждены в том, что «нельзя быть цивилизованным не по европейскому образцу», другие настаивают: главная задача России – не подчиниться Европе, «устоять в своей отдельности» (К. Леонтьев).

До недавнего времени казалось, что на государственном уровне выбор сделан: Россия будет следовать западной модели. Однако эйфория от перемен, которые принесли гласность и демократизация, продержалась недолго. Ухудшение экономической обстановки и отсутствие перспектив радикального улучшения положения изменили настроения людей. Коррупция превзошла все возможные границы. Социологи констатируют, что общество в результате происходящего оказалось в состоянии, которое можно оценить как «нравственное одичание», проявляющееся в цинизме, кризисе коллективизма, утрате семейных ценностей (рост числа разводов, сиротства и т.д.), в огромных масштабах преступности, в недоверии государству и его институтам [12].

Кроме того, ускоренная и эффективная модернизация предполагает коллективную мотивацию. Группа ведущих ученых [13] показала, что существует набор ценностей, стоящих на пути экономического, политического и общественного развития, и генерирующих коллективную демотивацию к такого рода развитию.

По инициативе профессора Ш. Шварца из Иерусалимского университета была организована Международная программа сравнительного изучения ценностей [16, с. 385–470]. На основании полученных данных был сделан вывод, что ценностный профиль России малопригоден для развития демократии, поскольку в нем слабо выражены ценности равноправия и автономии. Ценностное основание для развития системы свободного предпринимательства также практически отсутствует, так как автономия и мастерство не получили широкого распространения: отсюда нежелание брать на себя

личную ответственность, рисковать и напряженно работать в меру сил и талантов. Вместо этого более предпочтительны консерватизм и иерархия, являющиеся основой тенденции перекалывания заботы и ответственности в обеспечении своих потребностей на государство.

Методология Ш. Шварца и его последователей носит универалистский характер в том смысле, что в ней не принимается в расчет культурная специфика, выражающаяся в наличии у каждой культуры некоего базового набора приоритетных ценностей. Последствия универалистского подхода известны. При использовании его применительно к культурам с незападными ценностными системами таковые приписываются к разряду неподдающихся реформированию. Классический пример подобного подхода демонстрировал Макс Вебер, доказывавший, что «популярные религии Азии» (ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство) «не содержат мотивов или ориентации рационального этического моделирования мира в соответствии со святыми заповедями». Все они, в отличие от протестантизма, «принимали этот мир как извечно данный, а значит, наилучший из миров» и послужили основным препятствием для развития в странах Востока капитализма – «импортированного продукта Запада» [18, с. 269]. Об ошибочности подобного заключения свидетельствуют наблюдаемые в наше время поразительные успехи Китая, Индии, Кореи, Малайзии, Индонезии и ряда других азиатских стран.

Ошибки в методологии группы Ш. Шварца попытались исправить в 2005 г. российские исследователи [5]. Была поставлена задача разработать культурно-специфическую методологию исследования и интерпретации ценностей русской культуры, а также выявить динамику структуры базовых ценностей россиян (1999–2005 гг.), ее влияние на установки экономического и социального поведения граждан России.

Были замерены ценности, разделяемые двумя поколениями россиян (студентами и их родителями) в различных регионах России (Москва, Санкт-Петербург, Пенза, город Балашов в Саратовской области). Замеры показали, что в ценностной структуре, разделяемой россиянами за период с 1999 по 2005 г., наблюдается стабильность, проявляющаяся в сохранении семи наиболее важных факторов, определяющих ценностные мотивации.

1. Безопасность (включающая в себя такие ценности, как национальная и семейная безопасность, мир во всем мире, общественный порядок, вежливость, уважение к старшим, здоровье, социальная справедливость, уважение традиций, благополучие). Этот ценностный блок главным образом мотивирует стремление к стабильности общественной системы.

2. Самореализация (успешность, интеллектуальность, ответственность, самостоятельность в выборе целей, независимость, широта кругозора, амбициозность, любознательность). Этот блок отражает потребность в лич-

ных достижениях, в развитии собственного интеллекта и профессионального мастерства, в независимости, в интересной работе, позволяющей реализовать индивидуальный жизненный выбор и амбиции.

3. Неприсязательность (скромность, удовлетворенность своим местом в жизни, обязательность, умение прощать, умеренность, взаимопомощь, честность). Этот фактор говорит о потребности в групповой гармонии, коллективной согласованности и мире за счет свободного самоограничения. Полагают, что здесь налицо влияние традиционной православной ценности смирения, а также заповеди самосохранения советских времен «не высовывайся».

4. Духовность (единство с природой, любовь к красоте, духовная жизнь, защита окружающей среды, мужество, креативность, верность).

5. Гедонизм (удовольствие, наслаждение, потакание себе).

6. Господство. Этот блок проявляется в желании и готовности продвигаться вперед, используя все средства, даже по головам других.

7. Гармония (гармония с самим собой, самоуважение, право на приватность наряду с чувством общественной принадлежности).

Социологические замеры, сделанные в 1999 и 2005 гг., показали также некоторые подвижки в ценностных ориентациях россиян. Безопасность вышла на первое место. Это объяснимо, поскольку в данный период главными угрозами для жизни людей стали терроризм, социальная и материальная нестабильность.

Самореализация с 5-го места поднялась на 2-е. Это является показательным свидетельством того, что мотивация к достижениям, профессионализму и личному благосостоянию стала для россиян почти столь же значима, что и безопасность.

Утратила свою прежнюю значимость неприсязательность, опустившись с 1-го места на 3-е. Духовность спустилась на одну ступень ниже. Гедонизм и господство со 2-го места, оказались, соответственно, на 5-м и 6-м. Гармония оставалась в системе ценностей на 7-м месте.

Безусловно, перечисленные выше ценности имеют значение для успешного экономического развития. Тем не менее столь же очевидно, что они менее значимы, чем те ценности, из которых они проистекают. Они вторичны, принадлежат к тому, что можно назвать «тонкой культурой», которая имеет корни в прошлом, притом сохраняя динамичность, конструктивный характер. Ценности «тонкой культуры» эмпиричны; они возникают в ответ на социально-экономические изменения [15, с. 237–252].

Таким образом, было бы справедливым полагать, что пересмотр ранее принятого «западного выбора» произошел не из-за того, что Россия не способна к ценностным переменам, позволяющим реализацию указанного выбора (хотя трудности на этом пути, безусловно, имеются), а вслед-

ствие изменения геополитической обстановки. Активизация военного блока западных стран, возглавляемого и направляемого в своей политике США, по всему периметру российских границ в Европе, украинский кризис, санкционная политика, инициированная Евросоюзом по «подсказке» США, широкий размах антироссийской пропаганды и многое другое, по существу, возрождают атмосферу холодной войны, таящей угрозы перерастания в реальные военные действия. Стала очевидной ненадежность или даже иллюзорность плодотворности для России исключительно прозападной ориентации.

Историк и опытный дипломат, чрезвычайный и полномочный посол Николай Спасский озвучил мнение тех, кто считает, что выход из проблемной ситуации – «остров Россия»: «Остров, уверенно и комфортно ощущающий себя между континентами Америки, Европы, Китая и Индии. Не впадающий ни в сверхдержавную гордыню, ни в фальшивое смирение общества, отрекшегося от своего прошлого» [8, с. 33]. Напоминая об успешном опыте островных государств Великобритании и Венеции, россиянам предлагают «жить самим по себе» и превратить проект создания «острова Россия» в «основную национальную идею и модернизационную платформу» [8, с. 34].

«Мы должны, – заявляет Н. Спасский, – быть нацелены на реальное, а не риторическое, позиционирование России как самостоятельного центра силы. Не сверхдержавы, но великой страны, способной постоять за себя <...> и обладающей силой не для экспансионистского проецирования в мире, а для гарантии лучшей материальной и духовной жизни своего народа. <...> В этом единственный смысл образа “острова Россия” – острова безопасности и устойчивого развития в стремительно меняющемся непредсказуемом мире» [8, с. 35].

В принципе, точка зрения Н.Н. Спасского относительно того, что для России было бы наиболее целесообразно в качестве стратегической цели поставить задачу «стать самостоятельным центром силы», обеспечивающим высокий материальный и духовный уровень для своего народа, представляется трезвой и достойной поддержки. Тем не менее испытываешь некое «неудобство» с понятием «остров Россия». Идея острова кажется невозможной применительно к стране со столь огромной территорией, как наша. Это скорее «материк», расположенный между Европой и Азией. Само географическое положение России не позволяет ей быть «островом».

Этому же претит и российская история, для которой характерны устойчивые вековые связи со странами не только Запада, но и Востока. Широкое взаимодействие с азиатскими цивилизациями обуславливала протяженность границ с ними, а также многочисленность проживающих на территории России и являющихся столетиями ее гражданами буддистов и мусульман. Стоит также напомнить, что в период западной «блокады», последовавшей за победой Октябрьской революции, и позже, во времена холодной войны, именно

восточный вектор российского взаимодействия с азиатскими цивилизациями приобрел особое значение. Достаточно вспомнить плодотворные связи (зачастую не просто деловые, но подлинно дружеские), какие Россия имела с Китаем, Индией, Монголией, Вьетнамом, Сев. Кореей, многими странами арабского мира, временами с Ираном и Турцией.

К сожалению, крутой поворот в сторону западного выбора, предпринятый после перестройки, произошел в ущерб нашим отношениям со странами азиатских цивилизаций. Это не осталось незамеченным с их стороны: не только вызвало обиды, но и подтолкнуло к изменению политического курса в пользу Запада у ряда наших прежних союзников и верных партнеров.

Может ли Россия перестать оставаться на «перепутье», определившись с генеральным курсом развития? Многие сочтут мой ответ ошибочным или парадоксальным. Он может показаться полностью совпадающим со взглядами Николая Бердяева. Я действительно согласна с первой частью бердяевского утверждения относительно того, что «Россия не может определить себя как Восток и тем самым противостоять Западу. Россия должна считать себя одновременно и как Запад». Но я не согласна с тем, что сказано им в конце того же предложения: «Россия должна считать себя как Восток – Запад, как объединитель». Подобное утверждение звучит как скрытая претензия на особую гегемонистскую миссию России. Никто не способен «объединить» два мира, являющиеся разными цивилизациями. Даже утверждение о том, что Россия должна стать «мостом между Востоком и Западом», представляется претенциозным. Пожалуй, более взвешенным является совет, данный другим нашим просвещенным предком – Петром Чаадаевым: поскольку Россия расположена между двумя великими делениями мира, между Востоком и Западом, России следовало бы «упираться одним локтем в Китай, другим в Германию». Полагаю, что здесь не имеется в виду опора, в которой нуждается слабый и беспомощный. Локти в таком случае неподходящие точки опоры. Смысл здесь другой, тот, который мы вкладываем в расхожее выражение русского языка «чувствовать локоть» того, само присутствие которого рядом внушает уверенность и решимость. Можно пойти и дальше, позволив модернистское толкование в духе современности – «чувство локтя» как ощущение понимания и поддержки посредством взаимодействия друг с другом.

Полезность взаимодействия с западной цивилизацией для россиян в принципе ясна. На Западе создано наиболее комфортное общество, обеспечивающее своим гражданам высокий уровень жизни и существенную социальную поддержку. Запад находится в авангарде научного прогресса, оснащен новейшей техникой и использует самые передовые технологии. На Западе широко функционируют демократические институты, различные формы гражданского общества.

А чем может быть полезно взаимодействие России с азиатскими государствами, представляющими восточные цивилизации? Помимо очевидных, универсальных форм межцивилизационного взаимодействия, к которым относятся торговля, деловое сотрудничество, научно-технический и культурный обмен, согласованность политических действий на международной арене, есть еще сферы малоизученные, а потому остающиеся неиспользованными. Приведем несколько примеров.

В XIX–XX вв. наблюдалось «пробуждение» Востока от вековой спячки. Тогда же начались поиски выхода из состояния затянувшегося застоя. Стержневой для общественного дискурса стала проблема соотношения национальных традиций с западными идеалами и ценностями. Участники полемики разделились на два основных лагеря в соответствии с приверженностью к полярным точкам зрения. В одном случае наблюдалось неприятие всего западного и идеализация собственных традиций. Идея социального прогресса как поступательного движения в этой связи считалась противоречащей привычному мировидению, обычно ассоциируемому с традиционным верованием.

Прямо противоположной была позиция западников, модернистов, которые считали, что преодоление отставания напрямую связано с заменой устаревших национальных традиций западными ценностями и институтами.

Наряду с апологетическим и нигилистическим отношением к традиции в общественной мысли стран Востока проявился реформаторский подход. В нем сочетались уважение к духовному наследию и критическая оценка устаревших традиций, антиимпериалистическая настроенность и признание несомненности достижений западной цивилизации, неизбежность религиозной веры и понимание необходимости приобщения к достижениям современной науки и техники.

Реформаторская позиция получила яркое выражение, в частности, в работах крупнейшего индийского философа и государственного деятеля XX в. Сарвепалли Радхакришнана (1888–1975). Он считал, что те, кто жаждет подражать Западу, с корнем вырывают древнюю цивилизацию, предлагают во имя якобы процветания и благополучия Индии признать в качестве ее «духовной матери» Англию, а «духовной бабушки» – Грецию. Однако подобное отношение к собственной культуре губительно: «Если общество перестает верить в свои идеалы, оно утрачивает ориентиры» [14, с. 320]. Вот почему разумнее и предпочтительнее строить жизнь «на уже заложенном фундаменте» национальной культуры [7, с. 701], что не исключает, а, напротив, обязательно предполагает усвоение ценных элементов западной цивилизации.

Со второй половины прошлого века реформаторство оказалось под огнем критики того идейного течения, которое условно называют возрожденчеством или фундаментализмом. Для него типично обоснование идеи спасения через возвращение к «золотому веку», когда традиционное верование проявлялось в «чистом» виде. Чистота эта понимается неоднозначно. Мно-

жественность мнений в среде возрожденцев столь же велика, сколь велика свойственная средним слоям амплитуда идейных колебаний от самых консервативных взглядов (возврат к Средневековью) до экстремистски левацких.

Неудачи с экспериментами «догоняющего капитализма» или «внедряемого социализма» в XX в. показали, что любая модель общества оказывается деформированной и нежизнеспособной при пересадке на неподготовленную, а тем более неблагоприятную для этого почву. Хотя по замыслам и целям идейные процессы на Востоке иногда и напоминают те, что происходили в Европе на рубеже Нового времени, по сути своей они вряд ли могут рассматриваться как реформаторские в полном смысле слова. Для того, чтобы реформация здесь состоялась, необходимо было выявить и задействовать внутренние импульсы развития.

Выше была кратко обрисована духовная атмосфера, непосредственно предшествующая вступлению стран азиатских цивилизаций в новый этап своего развития – вхождение в мировое сообщество. Россия оказалась во многом в сходной с азиатскими странами ситуации выбора после начала перестройки и распада Советского Союза. Примечательно тем не менее, что в российских политических кругах, как и в научной среде, в поисках правильного выбора было и остается по сей день принятым обращаться исключительно к историческому опыту западных стран и распространенным здесь теориям развития. Указанная односторонность является большим просчетом, судя по невиданным темпам возвышения Китая и Индии до уровня наиболее преуспевающих и перспективных в планетарном лидерстве государств.

Как успехи, так и ошибки, допущенные гигантами китайской и индийской цивилизаций, могли бы, несомненно, быть поучительными для России в ее современном положении. Предельно кратко можно отметить, что успехов удалось достигнуть в немалой мере благодаря широкой идейной полемике, связанной с поиском пути выхода из застоя и достойного ответа на вызовы Запада. В результате этих поисков появилось понимание, во-первых, неизбежности радикальных преобразований; во-вторых, необходимости усвоения позитивного опыта наиболее преуспевающих государств; в-третьих, предпочтительности вхождения в глобализирующееся сообщество без утраты собственной самобытности; в-четвертых, важности максимального использования позитивных потенциалов, заложенных в ценностях собственной культуры и ее институтов.

Модернизация-развитие без утраты культурной идентичности сегодня считается наиболее перспективной, а потому и предпочтительной. Такой курс в политике часто именуется как «глокализация» и предполагает включенность в процессы глобализации с опорой на творчески переосмысленные собственные культурные традиции.

Хотя некоторые авторы определяют глокализацию как «возникновение и распространение транскультурной среды, возникающей в результате миграционных процессов» [2, с. 54–67], нам представляется, что причина появления этого феномена кроется скорее в глубинной реакции незападного мира на монокультурный глобализм, своего рода «насильственную универсализацию». Глокализация призвана сделать глобализацию «желаемой». Ссылаясь на пример Индии, можно сказать, что недостаточно заменить клипы и музыку американской шоу-индустрии клипами и поп-музыкой из современных индийских фильмов; персонажей голливудских фильмов – индийскими киногероями (например, почти обожествляемым Амитабхом Баччаном); американские бренды «фастфуд» – закусочными с меню индийской кухни. Такие замены означали бы лишь приспособление моноглобализации к местным условиям.

Глокализация принимает во внимание значимость как универсального, так и локального. Поскольку Япония демонстрирует наиболее яркий пример успешной версии глокализации, сошлемся на теоретические разработки японских ученых, в частности на высказывания профессора Токийского университета Ямаваки Наоки. Глокализация, по его словам, предполагает рассмотрение глобальных проблем «как привязанных к тем условиям, в которых реально живет каждый индивидуум». Глобализм «стремится преодолеть как империалистический глобализм, который игнорирует историко-культурные измерения каждой локальности, так и партикуляризм локализма, который равнодушен к универсальному измерению глобальных проблем» [11, с. 75].

Приверженцы глокализации убеждены в том, что западные теории модернизации неоправданно отождествляют модернизацию с вестернизацией, противопоставляя ее «отсталости и традиции». Эта точка зрения получила развернутое обоснование в работах Дипака Лала. Индийский ученый с мировым именем считает глубоко ошибочными мнениями о том, что для получения материальных плодов модернизации следует принять западный набор этических убеждений и политических форм. Такие аспекты модернизации, как современное понятие права, эгалитаризм, демократия, «исторически привязанные к модернизации Запада, необязательно являются таковыми: модернизация возможна без вестернизации. <...> Как показал опыт Японии и как начинают демонстрировать Индия и Китай <...> незападные общества могут перенимать западные средства для достижения процветания, не поступаясь своей душой» [4, с. 207–208].

Показательно, что тенденцию азиатских стран к отказу от полного отождествления курса на развитие с ориентацией исключительно на вестернизацию предвидели еще в начале нового века. Несмотря на все имеющиеся различия по уровню экономического развития, по государственно-политическому устройству, а главное, по традициям культуры, страны азиатского

региона проявляют высокую степень солидарности в своем стремлении изменить расстановку сил на международной арене и выступить на ней в качестве стороны, задающей тон и правила игры. Их объединяет общее неприятие того, что в журналистике принято называть «глобальной макдональдизацией», т.е. им претит повсеместное утверждение западного образа жизни, ценностей и идеалов. Азиаты не желают стать ингредиентами «плавильного котла», наподобие того, который используется США в их внутренней политике. Их объединяет стремление отстоять и сохранить свою культурную идентичность, убежденность в том, что модернизация не обязательно должна протекать по западному образцу. Она может и должна принимать различные культурные формы.

В 1990-е гг. формулируется концепция «азиатских ценностей». Она была озвучена ранее других премьер-министрами Сингапура и Малайзии - Ли Кван Юем (Lee Kuan Yew) и Махатиром Мохаммедом соответственно.. Публичные дебаты вокруг «азиатских ценностей» сосредоточились на наиболее острой проблеме прав человека. В противовес Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., и Венской декларации 1993 г., вновь заявлявшей о том, что права человека являются «универсальными и нераздельными», приверженцы «азиатских ценностей» настаивают на существовании фундаментальных культурных различий в отношении проблем и прав человека.

Первое из наиболее существенных различий – понимание соотношения индивидуального и коллективного. В отличие от Запада в Азии общественные интересы имеют первоочередную значимость по сравнению с интересами и правами индивидуума. Второе фундаментальное различие состоит в том, что на Западе высоко ценится личная свобода, в то время как на Востоке приоритет отдается «порядку и гармонии». Наконец, к наиболее важным «азиатским ценностям» причисляются бережливость, уважение власть имущих и абсолютная лояльность по отношению к семье. Характеризуя так называемые азиатские ценности в более обобщенном виде, можно сказать, что они предусматривают «неиндивидуалистическую модель модернизации, в которой капризное требование свобод и прав подчинено более широкому пониманию добра, а традиционное и современное не разводятся по разные стороны» [19].

Концепция «азиатских ценностей» во многих отношениях весьма условна. Было бы более точным говорить о «ценностях традиционных обществ». Они действительно во многом сходны в странах со столь различным культурным наследием, что их причисляют к разным цивилизациям: китайской, индийской, мусульманской и т.п. Но в то же время каждая цивилизация характеризуется специфическим набором ценностей, считающихся для нее основными.

Остановимся прежде всего на юго-восточном регионе, где преобладает влияние китайской культуры, а еще точнее, конфуцианства. Широкую популярность и признание получила концепция конфуцианских ценностей, которую сформулировал бывший профессор Гарвардского университета, а в последние два десятилетия – профессор Пекинского университета Вэй-мин Ту (столь авторитетный, что его иногда даже называют современным Конфуцием), выступая 17 октября 1998 г. в престижном Университете Райса (Хьюстон, Техас) [17]. К разряду таковых известный философ относит шесть основных ценностей, по его мнению разделяемых всеми «конфуцианскими» странами Юго-Восточной Азии.

Во-первых, сильное центральное правительство, берущее на себя ответственность за благополучие народа и стабильность в обществе.

Во-вторых, обычаи и ритуалы, обладающие исключительной значимостью в формировании общественной добродетели и морали.

В-третьих, семья – базовая единица общества, главный транслятор ценностей от одного поколения к другому.

В-четвертых, гражданское общество, играющее роль динамичного посредника между частными и публичными сферами общественной жизни.

В-пятых, образование, «которое должно стать гражданской религией общества». Оно определяет особенность «конфуцианского гуманизма»: основное предназначение образования скорее в том, чтобы «учить тому, как стать человеком», чем быть институтом, созданным для обретения знаний и профессиональных навыков.

В-шестых, зависимость качества жизни всего общества от уровня «самосовершенствования» каждого его члена. Такое совершенствование означает, что люди признают приоритетность своих этических обязанностей по отношению к обществу в сравнении с обретением личных свобод и счастья. «Самосовершенствование – источник регулирования семьи, государственного правления и мира в Поднебесной».

По мнению Вэй-мина Ту, придерживаясь «конфуцианских ценностей», народы Юго-Восточной Азии смогли бы «научиться думать одновременно глобально и локально», гарантировать «присутствие традиций в процессе модернизации». В Китае и за его пределами представители китайской диаспоры, ученые-синологи вполне сознают, что «конфуцианские ценности», как бы хороши они ни были, не могут разделяться повсеместно. Они имеют первостепенную значимость для процесса модернизации многих народов Юго-Восточной Азии, разделяющих наследие конфуцианства. В них содержится то «локальное», которое не должно быть утрачено в безграничном «глобальном». Межцивилизационное взаимодействие способно благотворно сказаться на построении нового миропорядка. «Локальное» в определенных случаях способно изменить характер «глобального».

Желание создать новый мировой порядок не по глобалистскому сценарию США, а с учетом национальных интересов, культурных традиций и потенциалов к развитию и инновациям может быть воплощено в жизнь. Для этого требуются объединенные усилия, межкультурное взаимодействие, в том числе и научного сообщества. Как справедливо отмечает индийский профессор Б. Рамеш Бабу, необходимо, чтобы в результате межкультурного взаимодействия появилась философия глобализма, позволяющая охватить прошлое, настоящее и будущее планеты.

Степанянц Мариэтта Тиграновна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора восточных философий Института философии РАН. 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Marietta T. Stepanyants – Sc.D. in Philosophy, Chief Research Fellow, Department of Oriental Philosophies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.

marietta_35@mail.ru

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2010. 333 с.
2. Железнова Н.А. Глобализация: индийский ответ на мировой вызов // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 54–67.
3. Кибиров Т. Выбранные места из неотправленных e-mail-ов (вольная поэма) // Три поэмы. М.: Время, 2008. С. 55–76.
4. Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты / Пер. Т. Даниловой. М.: Ирисэн, 2007. 338 с.
5. Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Лимарь Д.В. Динамика ценностей русской культуры и их влияние на модернизацию. URL: https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=12792 (дата обращения: 20.07.2016).
6. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект пресс, 2004. 376 с.
7. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 2. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 734 с.
8. Спасский Н. Остров Россия. Можно ли снова стать сверхдержавой и нужно ли это? // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 6. С. 170–185.
9. Стратегический глобальный прогноз 2030. Материал, подготовленный Институтом мировой экономики и международных отношений РАН / Под ред. акад. А.А. Дынкина // Международная жизнь. 2011. № 2. С. 153–170.
10. Тренин Д. 20 лет вперед – и 100 назад // InoSMI, 11.03.2011. URL: http://inosmi.ru/or_ed/20110311/167251559.html (дата обращения: 06.02.2021).
11. Чугров С. Япония в поисках новой идентичности. М.: Восточная литература, 2010. 309 с.
12. Ясин Е. Модернизация и общество // Вопросы экономики. 2007. № 5. С. 4–29.
13. Culture matters: How Values Shape Human Progress. / Ed. by L.E. Harrison & S.P. Huntington. N.Y.: Basic Books, 2000. 383 p.

14. Mishler M., Pollack D. On Culture, Thick and Thin: Toward a Neo-Cultural Synthesis // *Political Culture in Post-Communist Europe: Attitudes in New Democracies* / Ed. by D. Pollack et al. Alder shot: Ashgate Pub. Ltd., 2003. P. 237–252.
15. Radhakrishnan S. Reader. An Anthology. Bombay, 1988. 418 p.
16. Schwartz S. & Bardi A. Influences of Adaptation to Communist Rule on Value Priorities in Eastern Europe // *Political Psychology*. 1997. Vol. 18. P. 385–410.
17. Tu Wei-Ming. Asian Values and the Asian Crisis: A Confucian Humanist Perspective. URL: <http://www.ruf.rice.edu/~tchina/commentary/tu1098.html> (access date: 06.02.2021).
18. Weber M. *The Sociology of Religion*. London, 1965. 490 p.
19. Wee C.J. “Asian Values”, Singapore, and the Third Way: Re-working Individualism and Collectivism // *Journal of Social Issues in Southeast Asia*. 1999. Vol. 14. P. 332–358.

References

1. Berdyayev N.A. *Sud'ba Rossii*. M.: AST, 2010. 333 s.
2. Zheleznova N.A. Globalizaciya: indijskij otvet na mirovoj vy'zov // *Voprosy` filosofii*. 2009. № 7. S. 54–67.
3. Kibirov T. Vy`branny`e mesta iz neotpravlenny`x e-mail-ov (vol'naya poe`ma) // *Tri poe`my`*. M.: Vremya, 2008. S. 55–76.
4. Lal D. Neprednamerenny`e posledstviya. Vliyanie obespechennosti faktorami proizvodstva, kul'tury` i politiki na dolgosrochny`e e`konomicheskie rezul'taty`. | Per. T. Danilovoj. M.: Irise`n, 2007. 338 s.
5. Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Limar` D.V. Dinamika cennostej russkoj kul'tury` i ix vliyanie na modernizaciyu. URL: https://niss.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=12792 (access date: 20.07.2016).
6. Mnogolikaya globalizaciya. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire. / Pod red. P. Bergera, S. Xantingtona M.: Aspekt press, 2004. 376 p.
7. Radhakrishnan S. *Indijskaya filosofiya*. T. 2. M.: Izd-vo Inostrannoj literatury`, 1957. 734 s.
8. Spasskij N. Ostrov Rossiya. Mozhno li snova stat` sverxderzhavoj i nuzhno li e`to? // *Rossiya v global`noj politike*. 2017. T. 15. № 6. S. 170–185.
9. Strategicheskij global`ny`j prognoz 2030. Material, podgotovlenny`j Institutom mirovoj e`konomiki i mezhdunarodny`j otnoshenij RAN / Pod red. akad. A.A. Dy`nkina // *Mezhdunarodnaya zhizn`*. 2011. № 2. S. 153–170.
10. Trenin D. 20 let vpered – i 100 nazad // *InoSMI*, 11.03.2011. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20110311/167251559.html (access date: 06.02.2021).
11. Chugrov S. *Yaponiya v poiskax novej identichnosti*. M.: Vostochnaya literatura, 2010. 309 s.
12. Yasin E. Modernizaciya i obshhestvo // *Voprosy` e`konomiki*. 2007. № 5. S. 4–29.
13. *Culture matters: How Values Shape Human Progress*. / Ed. by L. E. Harrison & S.P. Huntington N.Y.: Basic Books, 2000. 383 p.
14. Mishler M., Pollack D. On Culture, Thick and Thin: Toward a Neo-Cultural Synthesis // *Political Culture in Post-Communist Europe: Attitudes in New Democracies* / Ed. by D. Pollack et al. Alder shot: Ashgate Pub. Ltd., 2003. P. 237–252.
15. Radhakrishnan S. Reader. An Anthology. Bombay. 1988. 418 p.
16. Schwartz S. & Bardi A. Influences of Adaptation to Communist Rule on Value Priorities in Eastern Europe // *Political Psychology*. 1997. Vol. 18. P. 385–410.
17. Tu Wei-Ming. Asian Values and the Asian Crisis: A Confucian Humanist Perspective. URL: <http://www.ruf.rice.edu/~tchina/commentary/tu1098.html> (access date: 06.02.2021).
18. Weber M. *The Sociology of Religion*. London, 1965. 490 p.
19. Wee C.J. “Asian Values”, Singapore, and the Third Way: Re-working Individualism and Collectivism // *Journal of Social Issues in Southeast Asia*. 1999. Vol. 14. P. 332–358.